

Вступление

Нож в спину

Если бы меня кто-нибудь спросил: «На что похоже предательство?», то я бы с печальной улыбкой, коей не мог выразить на своём лице, спокойно ответил: «Предательство всегда отличается тем, что бьёт без предупреждения в самый уязвимый уголок твоего сердца».

Так уж исторически сложилось, что людям попросту нельзя доверять. Они предают друзей также легко, как ветер меняет своё направление. Так рано или поздно будет с каждым. Так будет даже независимо от человеческих отношений и эпохи. И так, как нетрудно догадаться, было однажды и со мной...

Меня забрасывает в это воспоминание из раза в раз, и из раза в раз я испытываю мерзкий привкус отвращения, как если бы против своей воли тебя — человека не лишённого ума — заставляли питаться испражнениями. Заверю Вас: это не вкусно.

Дело обстояло в детсаду. Юному мне тогда было всего без малого пять лет. Я отчётливо запомнил окружающую обстановку: уличную площадку, воспитателей-смотрителей, детей-недоносков — всё в деталях. Тогда стояла середина лета: «киндеры» играли в песочницах, лазили по турникам, скатывались с горки или читали где-нибудь под деревом в тенике, — я являлся одним из последних.

[P.S. «киндеры» — здесь имеется в виду от немецкого: die Kinder — дети.]

Один громкоголосый парень позвал всех играть в «прятки».

И спору нет, мне нравилась эта игра, даже более того я желал в ней участвовать. Я часто играл в «прятки» со своей сестрой и постоянно побеждал. Как день помню, как она дулась, когда не могла найти меня: «Невозможно найти того, кто нем как труп! — буркнула она, — больше не буду с тобой играть!» — и всё равно играла.

Я выжидающе, без эмоций взглянул на одну девочку, — та была самой славной из всех мне знакомых и часто заговаривала со мной, когда я оставался один. Именно сейчас я понимаю, насколько добросердечной являлась она, потому что в детстве — не формируются скрытые мотивы.

Она заметила мой взгляд: его было сложно не заметить, — я буквально сверлил её взглядом. В моих глазах было написано невидимыми буквами: «Протяни мне руку помощи!...».

Возможно, с моей стороны было наивно полагать, что девочка сможет мне помочь...

— Эм, а может, возьмём Такеши-куна в игру?.. — со слабым голосом проговорила она.

У меня возникла надежда, однако... та была недолгой.

— Кого? — непонимающе спросил паренёк.

Меня это, естественно, задело, но виду я не подал. «Придурок, мы с тобой состоим в одной группе!» — подумал тогда я.

— Он вон там... у дерева, — дети посмотрели в мою сторону — я перевёл свой взгляд на книгу в руках: меня смущали их нахальные глаза.

— С ним? Ты общаешься с этим заторможенным немым имбецилом? — с отвращением спросил тот.

Если подумать, его можно было назвать лидером детей в садике: к его словам прислушивались и не решались спорить. Мысль — пополнить мои ряды, — не каждого воодушевляла. Я уже в детстве понимал принцип приоритетов и лестницы иерархии, а также без особого труда видел те нити этих кукол наполненных душой и плотью, за которые обыкновенно дёргают наши величественные «вожди».

— У-у-у, моя мама говорит, что у него не все дома! — следом сказал какой-то мальчик.

«Остановитесь...»

— Я как-то услышала, как воспитатели говорили, что бояться его; будто бы он смотрит своими глазами в самую душу. Как страшно... — пугливо рассказала другая девочка, что стояла рядом с «лидером».

«Хватит!»

Я с силой прикусил бока щёк, ощутив страшную боль и физическую, и духовную, однако я до самого конца пытался сохранить маску безразличия. И вот возникло то самое единственное и неповторимое чувство: словно бы тебя выворачивает наизнанку. То чувство беспомощности, из которого рождается обычно мания контроля — желание ребёнка управлять своей судьбой.

— Ты, правда, дружишь с ним? Серьёзно? — обратился «лидер» к доброй девочке.

«Что я вам всем сделал?»

Все смотрели на неё — образовывалось давление. Я проскрипел зубами. Её лицо побледнело, и она с вынужденной улыбкой произнесла:

— О чём вы? Мне просто было его жалко!..

Она не смотрела в мою сторону: её совесть не позволяла больше глядеть мне в лицо.

«Неужто я один из тех, кто от одного только рождения заслуживает подобного презрения?»

Я получил нож в спину.

Если ты предал одних ради других, то и другие тебе не поверят более. Да и в самого себя подобный человек уже точно не поверит. Но даже, несмотря на мою боль в тот миг, я испытывал к ней подлинную жалость. "Почему?" — зададитесь Вы. Всё банально и просто, ведь...

Не существует большей боли от предательства, чем от предательства самого себя.

Я также отвернулся от девочки: мне было отвратно смотреть на неё, когда она так жалко прогнулась; хотелось стереть её образ из своей головы навечно.

— Ха-ха! О чём ты? Отбросов обычно не жалеют! — пошутил кто-то.

Я более не глядел на них: во мне что-то медленно разбивалось на осколки.

«Это из-за моих мёртвых глаз?..»

Вот он тот самый момент, когда учтивость и доброта — сгинули во мне навсегда. Родилась ненависть и злоба, подливаемая холодным гневом.

Тем временем они уже ушли играть. Сердце наполнялось пустотой, и я отправился в здание детского сада. Воспитатели не обращали на меня внимания, даже не замечали; мне хотелось совершить какую-то ужасную гадость.

В тот день мы вырезали разные формы из цветной бумаги и клеили их на белый лист, формируя тем самым картинку. Поэтому я не сильно удивился, когда... увидел ножницы на детском малом столике.

Подобрав и пощёлкав ими, я задумался, — мне приходили разные страшные мысли.

Я побрёл неторопливым шагом к шкафчикам с одеждой детей: решительно, — моя аура была

зловеща, как никогда. Тоска и злоба смешались воедино, образуя что-то бесформенное и пугающее.

«Может... порезать их одежду?» — прошептало что-то некогда походившее на сознание ребёнка.

Проходя мимо зеркала в прихожей, я заметил за собой неестественность. Приблизившись к нему, я вгляделся в свои бездонные, мутные зрачки. Взгляд был томный, фанатичный, будто потерявший частичку человечности; пустой и непродолжительный, словно у загнивающей вороны в канаве.

Чуть позже я вернулся на площадку.

Когда время для прогулки иссякло, нас отправили в раздевалку. Хорошая девочка проходила мимо зеркала, как некогда я, и заметила на нём нечто необычное: на зеркале на уровне её глаз были наклеены два креста. Она сразу обернулась в мою сторону, однако я даже не подал виду, что заметил её. Было видно в отражении зеркала раскаяние и невыносимую печаль в её глазах.

Данные царапины несли в себе не двусмысленно послание, понять которое были бы не в силах даже взрослые. Но именно потому, что она общалась со мной, разгадать эту загадку являлось для неё проще пареной репы. Я никогда не соглашался с высказываниями окружающих, отказывался признавать, — наклеить же кресты на зеркале, всё равно, что признать мнение окружающих истиной.

«Если вы зовёте меня отбросом — вы его получите!» — подобный инфантильный и индифферентный порыв наполнился в моей голове. Однако глупый ребёнок не мог понять, что равняя себя с грязью, он и остаётся ничем иным кроме как грязью.

Если дети действительно способны испытывать плотскую любовь в такой ранней юности, то первой моей любовью, без тени сомнения, являлась та девочка. Именно её предательство повлияло на моё доверие к людям в будущем. Именно она — виновница гибели моих, и без того скудных, эмоций. И именно из-за неё я... замкнулся в себе.

С тех пор мы больше никогда не говорили, даже не смотрели в сторону другого. Когда приходилось находиться рядом — делали вид, что не замечаем друг друга. Она перестала быть улыбчивой и милой девочкой, как прежде; обратилась раздражительной и чёрствой, — и это даже не в отношении меня.

По-видимому, в ней, как и во мне, что-то сломалось тогда... что-то важное и неоспоримо нужное сердцу, что наполняло его яркими моментами. Может радость от свободы? Или свобода от радости?

Утеря воли делает человека марионеткой обстоятельств. Однако я не обратился топором в

руках «Судьбы» и смог себя сдержать, выдернув голову из этого бездонного океана. А смогла ли та девочка? — чёрт его знает! Такова суровая реальность...

Глава 2

Лицемерие и добродетель

I

7 апреля 2017 г.

Утро на следующий день после церемонии поступления в старшую школу Сакурай.

Как ни странно, начало светать. Полагаю, каждый человек ожидает в будний день вторника проклятуший звон будильника, раздражающий ушные перепонки и действующий тебе на нервы. В такие дни легче всего признаёшь, насколько сильно ты ненавидишь работать и учиться. Конечно, если бы взрослого поставили перед выбором ходить в школу или же где-то гнуть спину, то выбор становился очевиден.

Как раз таки в одном крупном доме, проживал один молодой человек — и этим человеком, что не удивительно, был я. Беззаботно и крепко спящий, пока, словно гром среди ясного неба, не явился звук тотального уничтожения:

ДЗ-ДЗ!

По комнате раздался звон будильника.

Я потихоньку протянул руку из-под одеяла, следом выключив «напевание дьявола». Приоткрыв глаза и оглянув комнату усопшим взглядом, я снова их закрыл и подтянул одеяло. Вполне ясно, что мне ни в коем разе не хотелось подрываться с тёплой, мягонькой постели.

Вдруг в моей комнате раздался резкий звук отпёртой двери. Я, находясь в состоянии полудрёма, ощутил на слух резвое приближение кого-то к моим шторам. Последующий звук их раздвигания не заставил себя долго ждать. Помещение озарил настолько яркий солнечный свет, что даже просвечивал через одеяльце. Это в неоднократный раз уменьшало моё желание дислоцироваться со своего лежачка.

— Юто, уже утро, немедленно вставай с постели! — громко воскликнула какая-то девушка, голос, которой был очень юн. Однако я даже не потрудился шелохнуться. — Не заставляй меня отбирать у тебя одеяло.

— Ух...

Я медленно поднял своё тело, оказавшись тем самым в положении сидя. Мои волосы были растрёпаны, чёлка лезла в глаза, а на затылке объявилось несколько хохолков. Я перевёл свой блуждающий, безжизненный взгляд на Юи, которая едко ухмылялась, придерживая коричневого мишку в руках.

Не похоже, чтобы я обрадовался такому утреннему приветствию, однако в лице не изменился. Завидев мой забавный вид, она рассмеялась:

— Хи-хи, ты бы сейчас видел, как глупо смотришься.

Её красное, как рак, лицо заставляло меня думать, что Юи забавил не мой внешний вид, а нечто иное.

— Я хочу одеться, так что тебя не затруднит выйти? — безразлично поинтересовался я.

— У-у, зануда!

Она спешно направилась к двери, следом скрывшись за ней.

Собравшись с мыслями, я стал вспоминать вчерашний день: Если мне не изменяет память, то мой первый день в школе был относительно неплох. Но, конечно же, не без происшествий. Так или иначе, ни Юмикава, ни Танака, ни даже Комия не смогли его испортить. Сумбурен ли был день? — да, без сомнения. Однако, тем не менее...

Я посмотрел на письменный стол, на котором лежал мой телефон.

...сумбур — это не ад.

Моё выражение лица на мгновение освидрало.

Поправив свои волосы хотя бы немножко, я натянул повседневную одежду и, взяв мыльные принадлежности, полотенце и белье, направился в ванную комнату.

В моём доме располагалось две подобные комнаты, одна на первом этаже, а другая на втором. Так как моя комната находилась на втором этаже, я направился к ближайшей душевой.

Отперев дверь в помещение, первое, на что был обращён мой взор, являлось зеркало. Приблизившись к нему, я рассмотрел по ту сторону стекла заспанного и безмолвного парня, с растопыренной каштаново-матовой причёской.

Я обратил внимание на свои мертвенные, поблекшие глаза.

По видимости, изменений не наблюдается, я прост, как и всегда. Если посудить, то будь у меня другой взгляд люди бы не стали меня сторониться. Хотя всё, вероятно, было бы даже хуже. Быть может, надо мной бы даже начали издеваться ещё хлеще, нежели сейчас, когда у меня эмоций, как у хлебушка.

Неужто им настолько сложно общаться с такими невыразительными персонами, как я? Или, кроме как меня одного, таких более не существует? На самом деле, если это являлось правдой, то меня не пугала подобная перспектива. Потому что...

Скрип!

...быть уникальным в своём роде тоже прекрасно.

Я подумал, что было бы неплохо поправить свои волосы, однако не стал этого делать, посчитав бессмысленным. К чему их поправлять, если собираешься идти в душ, не так ли?

Предварительно умывшись холодной водой, я взял шампунь, гель для душа и другие нужные предметы, после чего разделся и залез в душевую кабину.

Сперва вода в душе пошла холодная, даже не вникая того, что я изначально включил горячую. Когда температура воды была постепенно настроена, я начал намывать своё тело и голову. По моим волосам скатывались струи воды, опуская собравшуюся чёлку под давлением воды вниз.

Моё тело не являлось особо накаченным, однако, судя по генам, мне достался вполне спортивный организм. Возможно, если бы занимался какой-нибудь физической деятельностью, то преуспел бы в ней, — так я, по крайней мере, считал. Но у меня не было особого желания создавать высокий уровень напряжения в своей размеренной жизни, поэтому я не вступал в клубы. Я не хотел лишних хлопот, которые могли бы усугубить моё существование.

Наконец помывшись, я вытерся полотенцем и зачесал свои волосы на затылок по бокам, однако впоследствии сушки они вновь растрепались и вернулись на глаза. Мне было лень распределять их снова, так что я решил оставить всё, как есть.

Вернувшись в комнату, я обратил внимание на свою школьную форму. Свежевыстиранные и поглаженные тёмные брюки, чёрный пиджак, белая рубашка и бардовый галстук — виднелись на вешалке.

Неужели работа сестры? А она прекрасно постаралась. Глажка — лишние хлопоты. Я, вероятно, даже не попытался бы заняться этим самостоятельно. Нужно будет её поблагодарить, — я размыслил об этом, попутно ухватившись рукой за стрелки брюк. Следом в руках расположился галстук.

Я не очень любил данные предметы роскоши, в роде галстука: они душили, и от них складывалось всегда ощущение, что тебя ограничивают в действиях, но именно сегодня я собирался его надеть. "Почему?" — спросите Вы. Просто потому, что закрыть глаза на старания сестры — это неслыханная наглость.

— Неплохо сидит... — осведомился я, оценивая, как выгляжу.

Одевание не заняло и несколько минут. Схватив сумку со стола, а также положив в неё ранобэ, которое выменял вчера у Юи, я спустился на первый этаж в гостиную. Юи ещё готовила завтрак на кухне, так что были хорошо слышны стуки ножа по разделочной доске, громкие металлические звоны, а также скрежет подгорающего масла на сковороде.

— Ту-ту-туду... ту-ту-туду...

Она напевала под нос мотив какой-то песенки.

Я решил ненадолго её отвлечь:

— Юи, спасибо за форму, — я демонстративно взмахнул руками, заставляя обратить взор на рукава пиджака.

— Эх, вот если бы ты ещё носил рубашку и галстук, как подобает, то цены бы тебе не было, — раздражённо вздохнув, проговорила она, указывая на небрежность моей одежды.

— Тебе ещё долго?

— Да, наверное. Не беспокойся, я позову, когда приготовлю.

После этих слов я сел на диван в общем зале. На гостинном столике лежала газета, так что я решил почитать чего-нибудь интересного. Однако не похоже, чтобы мои ожидания оправдались.

Досадно, но в газете, кроме информации о новостях в городе, ничего особенного не было. Жизнь во всей стране была тихой, размеренной. Не было ни единого шанса на возникновение неприятностей, поскольку именно сейчас — мирная эпоха.

Я положил газету на место и стал наблюдать за готовящей завтрак, и стоящей ко мне спиной, сестрой. Юи ходила с места на место, проверяя свою сковороду и кастрюлю, а также собирая продукты и мясо для бенто. Когда мне надоело наблюдать, я лениво перевёл свой безжизненный взгляд на белые плитуса потолка.

Всё бы так и продолжалось, если бы я не услышал неожиданный болезненный возглас сестры:

— Ай-ай-ай!..

Погонишься за двумя зайцами — ни одного не поймашь, хах? Так и предполагал, что подобное рано или поздно случится, однако было бы лучше, произойди это поздно, в моём понимании. Ведь в таком случае мне бы не потребовалось проявлять инициативу, — подумал я, по-черепашьи встав с дивана и подойдя к одной из кухонных столешниц.

Открыв дверцу, я взял прозрачную, пластмассовую коробочку и достал из неё пластырь. Юи наблюдала за мной, не отрывая взгляда, поэтому она сразу поняла, что я собирался сделать. Я приблизился к ней и без лишних вопросов или отборных фраз прилепил его к крошечному порезу на пальце.

— С-спасибо...

— Не за что, — безучастно произнёс я, убирая коробку обратно.

Юи пристально смотрела на меня, как-то печально улыбаясь.

Что с тобой, Юи?..

— Э-хе-хе, братик помог мне...

Что же гложет твоё сердце?

Такой смех казался мне напускным, поэтому я поторопился сменить тему:

— У тебя там ничего не подгорит?

— Ой, точно! — она резко пришла в себя и продолжила готовку.

По окончанию, стол был накрыт. На нём стояли тарелки с карри, чашки с чаем, салатное блюдо и блюдо с жареной говядиной, приправы и соль, а также косолапый хозяин леса расположился сбоку.

Я был доволен сегодняшним ассортиментом продуктов. Поэтому сказав: «Приятного аппетита», начал уплетать пищу за обе щеки. Во время завтрака я решил задать какой-нибудь вопрос Юи.

— Что насчёт твоей школы? После перераспределения, удалось завести друзей?

— А тебе действительно интересно? — меня поприветствовал резкий вопрос.

Я перевёл взгляд с блюда на сестру и наши глаза встретились.

...

[1. Признаться]

[2. Солгать]

...

Если бы я сказал: «Да», то покривил душой. Я говорю с сестрой всегда начистоту, как бы колюще мои выражения не звучали. Она постоянно внимательно выслушивает меня, даже если мои слова ранят её.

Бог даровал людям возможность говорить, и первое что они попробовали, так это соврать. Именно поэтому люди ужасные существа, которые способны лишь утаивать свои истинные мотивы в целях самозащиты.

— Юи, ты мне дорога, — моя рука с палочками замерла, — но это не означает, что мне есть дело до людей твоего окружения.

Неважно насколько цинично это звучало. Главное — я не лгал, и этим всё подкупалось.

— Как всегда честно. Но зачем же тогда спрашиваешь?

Она знала, что я отвечу именно так.

— Не знаю. Наверное, ради тебя.

Я уже пришёл к выводу для чего мне это. Всё настолько просто, что становится грустно. Это было не ради сестры, а ради меня.

Ведь единственная, кто меня всегда понимала и поддерживала — это сестра. Такого человека страшно терять и невозможно забыть. Его не сравнить с наркотиком или зависимостью, однако если его не станет, ты, рано или поздно, начнёшь терять самообладание.

Иными словами, Юи помогает мне сохранить тот единственный оплот доверия к людям, который она создала в моей душе. Если бы я выразился ей подобным образом, это звучало бы, как лицемерие.

— Ради меня? — удивленно повторила Юи.

— Видимо, таким образом я выражаю тебе свою привязанность.

После моих слов Юи улыбнулась, но эта улыбка не являлась ни радостной, ни весёлой. Скорее та была грустной, выражающей понимание.

Почему у тебя такое лицо? Потому что я сказал то, что расстроило тебя? Или же, напротив, обрадовало?

Если подумать, я постоянно заставлял сестру волноваться, на протяжении детского сада, младшей и средней школы. Выходит, что всю жизнь. Я никогда не принимал её помощи.

Какова же пустота в её душе? Что или кто её оставил? Причины — последствия. Эмоции — мысли. До этого момента я запрещал себе о подобном размышлять. Если покопаться, можно понять, что к чему. Почему ни я, ни Юи не пытаемся обсудить это. Почему оставляем всё на самотёк. И почему так сильно боимся что-то менять.

Именно поэтому, я не стал сейчас об этом думать, даже если остались бы недомолвки.

— Кстати, братик, а сам-то ты нашёл себе друзей в школе? — поинтересовалась она в процессе разговора, переводя тему.

Похоже, это её серьёзно волновало, так как она временно отложила свои палочки и выжидающе взглянула на меня.

Точно... вчера мы обошли эту тему стороной.

— Нет, как, впрочем, и всегда. Думаю, в них нет пока надобности.

Я всегда являлся человеком подобного характера, если что-то надоедало или ничего не получалось, то просто забрасывал это занятие. Однако я любил решать разные задачи, вынуждая свою голову поработать извилинами. И пусть у меня безответственный и легкомысленный подход к жизни, мои принятые выборы и осуществлённые действия всегда являлись разумными и очень изворотливыми. Я любил свободу и независимость от других людей и не считал это одиночеством.

И тем не менее, у меня существует серьёзная проблема с доверием, о которой не следует

забывать...

— «Как всегда», да? Ну, я особо и не сомневалась в этом, хи-хи.

Сейчас её улыбка более не выражала печали, а, напротив, выражала крайнюю надменность, которая была столь свойственна Юи.

Эм, вообще-то, это больно слышать от родной сестры. Ей-богу, хоть бы задумалась, прежде чем говорить.

Весь семейный юмор всегда строится на очень плохих воспоминаниях. Семейный юмор — это когда одному смешно от того, что второй бесится. А если говорить о семье, то Юи в этом плане являлась для меня всем.

— Жестоко...

На лице Юи зияла безобидная ухмылка.

— А как насчёт девушки?

Намекает на вчерашнее?

— Это невозможно. Такой отброс, как я, даже не заслуживает розовой поры школьной юности, — мои слова были сильным ударом по сестре.

Именно потому, что я привык себя принижать, я более не мог мыслить иначе. И каждый раз, говоря нечто подобное с равнодушным выражением лица, я не замечал, как больно переваривать мои слова близким.

— Больше не смей повторять эти слова! — вспыхнула она, резко встав со своего стула, хлопнув руками по столу и смотря на меня холодным, колющим взглядом.

Меня задела эта угнетающая атмосфера, так что я поспешил извиниться:

— Извини, этого более не повторится.

Ответ удовлетворил мою сестру, так что она успокоилась и вернулась на место.

Последний напор был за сестрой, поэтому теперь именно Я решил на неё надавить.

— Ах, кстати, чуть не забыл...

— Да? Что такое, братик? — заинтересованно спросила она.

— Зачем ты... трогала мой телефон?

Юи медленно подняла взгляд с блюда и посмотрела в мои холодные глаза. Стало заметно, как она побледнела и проглотила слюну. На её лице буквально было написано: «Он догадался?!». Сестра знала, насколько сильно я терпеть не мог, когда кто-то трогал мои вещи. Я не прикасался к еде и остро глядел на неё.

— Я... я не понимаю, о чём ты...

— Когда я проснулся мой телефон вместо того, чтобы лежать, заряжаясь на тумбочке, расположился на столе. Объяснишь, как это могло случиться?

«Я оплошала!» — дрожащие зрачки говорили за неё больше, чем она сама.

— Я, правда, не поним-...

— Не лги мне, — отрезал я.

Какое-то время сестра смотрела на меня стыдливо, но затем стыд стал сменяться гневом.

— Ты... ты первый солгал! Юто, ты сказал мне, что у тебя нет чьей-либо почты или номера, но это была ложь! Я тебе верила, но ты наврал мне, смотря ровно в глаза! И после этого мне должно быть стыдно? — она недобро оскалилась.

— Верила? Разве это похоже на доверие, когда на следующий же день в твоих личных вещах копошится человек, кичившийся о доверии?

Полное доверие всегда граничило с безрассудством. И хотя я это осознавал, я всё же солгал.

— ...

Она сидела и молчала меньше минуты, после чего продолжила:

— Ты обещал не лгать мне, помнишь? А также обещал доверять больше чем кому-либо. Если бы ты действительно доверял мне, то не стал бы врать.

Мне не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять одну простую вещь. Трудно поверить в то, что человек говорит Вам правду, когда Вы прекрасно знаете, что на его месте бы солгали. Поскольку сестра знала меня, как свои пять пальцев, ей не составило труда раскусить мою ложь. Но я надеялся, что Юи хватит разумности, дабы принять моё лукавство.

Я сам вчера сделал тот выбор, так что это являлось и частично моей виной. Однако у меня были на то свои причины.

— Юи... Что бы ты ни думала, Комия — не враг. Просто запомни мои слова, ладно?

— А?..

Встав со стула и подойдя к Юи, я положил руку ей на голову и ласково погладил. Только, было, я собрался вернуться на место, как сестра крепко схватила меня за запястье и приложила мою ладонь к своей щеке. Хотя я и удивился, но не отпрянул, ожидая, когда сестра сама отпустит меня. Лицо Юи, словно бы пылало, — я ощущал жар, приливающий к её щекам, и видел, как те плавно краснели.

Через полминуты она освободила мою руку и тихо промолвила:

— Ладно, я тебя услышала.

И только я повернулся к ней спиной, как вдруг...

— Тогда ты тоже просто запомни. Неважно кто тебе будет угрожать, я никому не позволю портить жизнь своему брату, — я стал свидетелем жесткости в тоне её голоса, который по обыкновению являлся милым.

— ...

Мы некоторое время душевно общались, порой огрызаясь друг с другом, пока тарелки, в конце концов, не оказались пусты.

Юи встала из-за стола и собрала все тарелки и стаканы; следом она принялась за приправы, затем за соль и сахар, пока в конечном итоге стол не остался пуст. Помыв посуду и убрав все ненужные продукты, сестра продолжила готовить бенто, которое не закончила ранее.

И все-таки она очень хозяйственная. Полагаю, такой и должна быть жена? Было бы, наверное, прекрасно живи Юи со мной, после школы. Не думаю, что смог бы найти ещё одну терпеливую девушку, подобную моей сестре. Досадно осознавать, что нас связывают узы крови. Ведь при иных обстоятельствах она бы никогда не взглянула на меня.

— Юи, будешь жить со мной, когда закончишь школу?

— Э? Э-э-э?! — моя сестра, мягко говоря, очень сильно поразилась. В её понимании я предложил нечто противоестественное.

Я сказал что-то неправильное?

— Ты же знаешь, я без тебя, как без рук... — пока я продолжал свой монолог, сестра ропотным голосом пыталась что-то возразить:

— Но как же я буду... Это неудобно.... Всё-таки лучше тебе...

— ...Кто будет мне готовить? Кто убираться? Кто помогать? Я вполне готов подождать тебя годик, — закончил я.

Выражение лица моей сестры было сложно описать словами. На нём читался гнев, возмущение, раздражение и смущение одновременно. Ну, прям квартет из разных эмоций.

Я прочитал на её физиономии слова в роде: «Лучше сдохни!» или «Умри!». Главное, что их объединяло — это пожелание смерти. Затем, придя в обычное состояние, она бесстрастно произнесла:

— А... вот ты о чём? Разочаровывает.

— Что-то не так?

— В общем, мой ответ — нет, — рассержено произнесла Юи.

Я не смог постичь этого раздраженного поведения моей сестры, поэтому решил обратить внимание на странную деталь в девушке, которая меня интересовала. До этого случая я на подобное не обращал внимания.

— А почему ты красная, как рак?

— Отвали, готовить мешаешь!

Она накричала на меня? Что её смутило в моих словах? Не, я, конечно, имею примерное представление. Как сказал Шерлок: «Насколько бы невероятно это ни звучало, ответ к которому Вы пришли методом исключения — не должен Вас смущать». Кажется так, да? Увы, но полученный вывод крайне неправдоподобен.

Где-то минут 15 я наблюдал за готовкой Юи, после чего она закончила кухарничать. Как только я решил взглянуть на её произведение съедобного искусства, сестра резко накрыла его крышкой.

— В школе увидишь!

— Как будто я твою готовку не видел.

Серьёзно, что она пытается скрыть? Быть может что-то вышло неудачно? Это единственный наиболее подходящий вывод в данной ситуации.

— В этот раз она особенная, — с нешуточным выражением лица заверила она.

— У тебя ведь что-то не получилось, и ты просто смущаешься мне это показывать?

— Я его сейчас себе оставлю!

Она ведь вполне может это сделать. Меня как-то не радует перспектива остаться без обеда в школе. Стоит извиниться...

— Беру свои слова назад.

— Другое дело, — с улыбкой победителя, едко изрекла она. Вслед за тем она, накрыв бенто платочком с милым оформлением, протянула мне коробочку и сказала: — Вот, держи.

— Спасибо.

Положив бенто в сумку, я вернул взгляд на Юи — она сладко ухмылялась.

Порой я действительно не понимаю, какие эмоции изображены на её лице...

— Не планируешь вступать в какой-нибудь клуб?

— Это невозможно, — без промедлений, ответил я.

Чтобы Я? — и в клуб? Больше звучит, как смешная шутка.

— Эх, как всегда, — недовольно вздохнув, пробурчала моя сестра.

— Ну, думаю, мне пора, — проговорил я, взглянув на экран блокировки своего телефона.

— Ты не желаешь меняться, да?

— Это так плохо?

Самое простое к чему можно прийти — оставаться тем, кто ты есть. Даже если у меня есть возможности я не хочу ими пока пользоваться. То, чего я поистине желаю — гармонию, покой и счастье свободы.

— Иди уже. Глаза бы, мои тебя не видели.

Оправданные слова. Однако насчёт клубной деятельности... Нет, это определенно невозможно. Для человека, который не любит лишних хлопот, моё решение наиболее лучшее в данной ситуации.

Я надел кеды, предварительно затянув шнурки, после чего, сжав ручку двери, попрощался, на что в ответ услышал:

— Удачного дня!

После этих слов я захлопнул за собой дверь и направился в школу.

Видимо, этот день обещает быть «увлекательным».

Рекомендации:

1) Читайте произведение со шрифтом Times New Roman!

2) Оставьте комментарий, порауйте автора!

3) Нажмите кнопку "Спасибо" в конце!

<http://tl.rulate.ru/book/62626/1747525>